

"Южный край" гор. Харьков
1891, 24 октября.

Изъ харьковской театральной ста-
рины *.
(Материалы, мелочи и замечки).

IX.

Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Харьковѣ образовалась театральная дирекція, состоявшая подъ покровительствомъ генераль-губернатора и замѣнившая послѣднаго изъ старинныхъ харьковскихъ антрепренеровъ или, какъ тогда выражались, "одержателей" театра, Млотковскаго. Въ составѣ ея вошелъ, въ числѣ другихъ, и богатый только что вставшій со школьнай

* См. "Южный Край" № 8701.

скамъ помѣщика Даниловъ. Вотъ онъ то много лѣтъ спустя и рассказалъ въ одной газетѣ весьма типичный эпизодъ изъ своего кратковременного "служенія искусству".

"Я только что кончилъ курсъ въ университѣтѣ, побѣзѣвъ Даниловъ. Жажда дѣятельности кипѣла въ моей груди, и мнѣ хотѣлось, проживая наслѣдованное достояніе, что-нибудь да дѣлать... Въ ту пору въ нашемъ губернскомъ провинціальномъ театрѣ производились великия реформы. Образовывалась на мѣсто антрепренерской власти дирекція изъ губернскихъ тузовъ съ печатными правилами для полуграмотныхъ и полу-трезвыхъ артистовъ, съ печатными бланками для контрактовъ съ ними, съ основнымъ капиталомъ членовъ—акціонеровъ дирекціи, словомъ, со всѣми операми. Градонаучальникъ изъявилъ согласіе быть верховнымъ покровителемъ общества и узаконить собственными авторитетомъ его дѣятельность. Меня, какъ любителя театра, а главное, какъ человѣка, не обездоленного фортуной и златомъ на жизненномъ пирѣ семѣ, пригласили, безъ жалованья, съ титуломъ начальника репертуарной части, назначать спектакли, бенефисы, распредѣлять между артистами роли, присутствовать на репетиціяхъ, рѣшать доступъ дебютантамъ и заключать съ ними контракты. Двадцатилѣтнему не развитому юношѣ поѣдалось соблазнительнымъ сдѣлаться владыкою цѣлаго мірка. Я съ восхищеніемъ принялъ предложеніе мнѣ званіе, но скоро—увы!—мнѣ пришлось разочароваться.

Началось съ того, что чуть не каждый акціонеръ, внесшій лепту въ основной капиталъ, сталъ совать мнѣ своиъ proteg es. Развочетъ былъ вѣренъ у гг.

акціонеровъ: заплативъ разъ небольшую сумму, они имѣли постоянное мѣсто въ театрѣ, да сверхъ того пристраивали на жалованье отъ театра тѣхъ, которыхъ платили прежде изъ собственныхъ кармановъ. Особенно памятенъ мнѣ одинъ такого рода случай:

"Пожилой, сѣдовласый провинціальный тузъ прислалъ мнѣ однажды записку, въ которой рекомендовалъ, какъ чудо изъ чудесъ, нѣкую Л***, которая хоть никогда не играла, но должна была, по соображеніямъ патрона, великолѣпно "занять". "Я самъ прошелъ съ ней роль Офелии"—писалъ онъ, и ручаюсь, что въ театрѣ не останется пустаго мѣста, когда имя ея появится на афишѣ". Я просилъ передать артистѣ, чтобы она пожаловала на слѣдующее утро въ театрѣ. Репетицію "Гамлета" я назначилъ на завтра и съ 10 часовъ утра сталъ поджидать новую Рашель. Является рыженѣкая, смазливенская особа, съ сильно разви-тыми формами, съ манерами швеи, въ костюмѣ мѣщанки-аристократки. "Гдѣ вы воспитывались?" спрашивала я. Ра-шель не понимаетъ моего вопроса, и тупо смотритъ на меня. "Гдѣ и почему вы учились?" повторяю я. Ра-шель глупо ухмыляется и, наконецъ, объясняетъ, что "грамотѣ училъ ее самъ та-тенька, а бѣлошвейному мастерству за-нялась она отъ мадамъ". Довольно, ка-жется, было взглянуть на эту особу, выслушать отъ нея одну такую фразу, чтобы посовѣтовать ей снова взяться за иглу, но—увы! тузъ былъ провинціальный, козырной тузъ, онъ былъ всякой масти,—сдѣлало вести до нее plus ultra осторожно. Мы начали репетицію. Старые актеры и актрисы пере-мигивались и посмѣивались втихомол-ку, знаменитый субфлеръ Миша лѣтъ со влости изъ будки къ изъ кожи; Гамлетъ чуть не рычалъ на свою воз-любленную; Полоній, первый актеръ труппы и первый плутъ въ мірѣ, заявлялъ торжественно, что не выйдетъ на сцену съ подобной дочкой. Но вотъ появляется и запоздавшій патронъ, удостоиваетъ протянуть Полонію цѣльихъ два пальца, удостоиваетъ лег-кими кивкомъ головы прочихъ членовъ труппы,—и всеобщее настроение измѣняется. "Хорошо!" говоритъ патронъ, обращаясь къ Полонію. "Удивитель-но!" отвѣчаетъ плутъ, подмигивая мнѣ.

"Я отправился къ директору распо-рядителю и объяснилъ ему всю суть дѣла. "Нельзя съ", сказалъ онъ: "нель-

зя съ не допустить ея... Вѣдь вы знаете, кого мы разсердимъ".

Черезъ недѣлю Офелия дебютировала: тузъ и нѣсколько фігуры той же козырной масти аплодировали ей, под-начальнина двойки и тройки рвались вынужимъ "браво" доказать свою пре-данность, студенты и "независимые" составили оппозицію. Въ мѣстной губернской газетѣ въ неофиціальномъ отдѣлѣ совѣтникъ губернскаго правле-нія настрочилъ статью, гдѣ превознесъ до небесъ "небывалый талантъ и пре-лестную наружность дебютанки".

"На другой же день послѣ оказанно-го дебюта я оставилъ должность на-чальника репертуара".

Этотъ разсказъ мы нашли въ газетѣ "Антрактъ" за 1866 годъ (№ 28), "Вотъ какъ 20 лѣтъ тому назадъ процвѣтали провинціальные театры!" восклицаетъ Даниловъ въ заключеніе. Сдѣлало сказать не 20 лѣтъ, а 23 года тому назадъ, такъ какъ дирекція образова-лась въ 1843 году (она просуществова-ла всего пять лѣтъ). Замѣтимъ, кстати, что Даниловъ совершенно напрасно

такъ презрительно отзывается о про-винціальныхъ театрахъ того времена.

На Харьковской сценѣ 40 годовъ играли Соленикъ, Рыбаковъ, Ладина, Млот-ковская и т. д.—таланты, до которыхъ

перешли "свѣтиламъ" какъ до

звѣзды небесной далеко...

X.

Знаменитый московскій комікъ Щепкинъ, какъ известно, въ началѣ свое-го артистического поприща, въ тече-віе многихъ лѣтъ игралъ въ провин-ціи: сначала въ Курскѣ, а затѣмъ въ Харьковѣ, Полтавѣ и Киевѣ. Переѣхавъ на Москвскую сцену въ 1823 году, онъ въремя отъ времени, пользуясь лѣтними канукулами, наѣзжалъ свой родной югъ и неоднократно появлялся на Харьков-ской сценѣ. Иль воспоминаній проф. Буслаева оказывается, что геніальный артистъ бывалъ въ Харьковѣ, между прочимъ, и въ 80-хъ годахъ. Про-сматривая сочиненіе названаго автора "Мои досуги", мы нашли въ немъ (II, 237), въ статьѣ "Комікъ Щепкинъ о Го-

голѣ" разсказъ Щепкина, который начи-нается слѣдующими словами: "Былъ изъ Харькова въ то время, какъ было открыто мое Митрофанія. Да, ду-маю, вѣду въ Воронежѣ". Моши Свя-тителя Митрофанія были открыты и обрѣтены нетѣнными въ 1832 году * значить, Щепкинъ былъ въ Харьковѣ

именно въ этомъ году. По всей вѣро-ятности, онъ прїѣзжалъ сюда, чтобы участвовать въ нѣсколькихъ спектак-ляхъ.

XI.

Теперь, когда въ Харьковѣ, послѣ долгаго перерыва, снова возродилась русская опера, а мѣстное отдѣленіе Харьковскаго музыкального Общества только что отпраздновало свое двадца-тилѣтіе, не мѣшаѣтъ вспомнить о че-ловѣкѣ, не мало потрудившемся надъ развитіемъ музыкального образования въ Харьковѣ и въ качествѣ преподавателя музыки, и въ качествѣ дири-жера оркестровъ. Мы говоримъ о ста-рикѣ К. П. Вильбоа, маленькую, коми-чески-торжественную и строгую фі-гуру котораго, вѣроятно, еще помнятъ многіе изъ харьковцевъ. Вильбоа, къ сожалѣнію, не повезло въ Харьковѣ и онъ остался вдѣсь сравнительно не долго. Говоримъ "къ сожалѣнію", ибо Вильбоа безспорно обладалъ солиднымъ музыкальнымъ образованиемъ и могъ бы при иныхъ условіяхъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ сдѣлалъ.

Константинъ Петровичъ Вильбоа родился въ Петербургѣ, въ маѣ 1817 года, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ гвар-дейскую артиллерию въ 1837 году. Про-служивши три года, онъ вышелъ въ отставку, а въ концѣ 40-хъ годовъ вновь поступилъ на службу, при во-енно-ученомъ комитѣтѣ, помощникомъ дѣлопроизводителя, и состоялъ въ этой должности до вачала шестидесятыхъ годовъ.

"Еще въ корпусѣ онъ обнаруживалъ значительную склонность къ музыке: онъ былъ регентомъ пѣвчихъ и хоро-шо игралъ на фортепіано. Первое его сочиненіе, романъ "Смерть", на слова товарища его Айбулатова ("Она придетъ неслышно и незримо"), было вы-звано сильнымъ впечатлѣніемъ, произ-веденнымъ на Вильбоа видомъ мертваго кназа Петра Михайловича Волкон-скаго (фельдмаршала), у тѣла котораго онъ стоялъ въ почетномъ караулѣ. Второе его сочиненіе—романсъ "Вѣ-шель на небо мѣсяцъ ясный" и третіе—дуэтъ "Волшебный мракъ отрадной но-чи", оба написаны въ 1849 году на слова его товарища и приятеля Яцеви-ча. Вскорѣ потомъ онъ написалъ ду-этъ "Моряки" (слова Ячикова), поль-зовавшійся въ свое время болѣйшою популярностью и часто исполнявшійся въ концертахъ. Въ теченіе пятиде-сятихъ годовъ имъ написана опера "Наташа или волжские разбойники", на либретто Куликова. Въ первый разъ она была поставлена въ Москвѣ въ октябрѣ 1861 года, въ бенефисъ г.-жи Семеновой, а потомъ и въ Петербургѣ, въ бенефисъ г.-жи Лесновой. Это до-вольно блѣдное и нѣсколько дилетант-ское подражаніе "Жизни за Царя" выѣло лишь посредственный успѣхъ. Раньше "Наташи" онъ работалъ надъ оперой "Тарасъ Бульба", позже "Наташи" — надъ оперой "Цыганка" на сюжетъ Баратынского, но не кон-чилъ ни той, ни другой. Въ 1853—1854 годахъ онъ дирижировалъ пѣв-чими и бальными оркестромъ Павловскаго полка. Въ послѣдніе годы жизни Глинки въ Петербургѣ (1853—1856), Вильбоа постоянно былъ при немъ, дѣлалъ разныя аранжировки его оперъ, и, между прочимъ, присовѣ-товалъ Глинкѣ свою "Молитву" на фортепіанной пѣсѣ превратить въ во-кальную, приспособляя къ ней текстъ Чермонтова. Въ концѣ 1850-хъ годовъ онъ Ѵзилъ вѣстѣ съ В. П. Энгель-гардтомъ по Волгѣ и при этомъ ваци-зывалъ народные пѣсни, часть кото-рыхъ издавалъ въ первый разъ въ "Драматическомъ сборнике" Аполлона Григорьевъ, въ 1860 году, въ видѣ особы-го приложения. Позже онъ издалъ еще нѣсколько выпускъ русскихъ народ-ныхъ пѣсень.

"Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, Вильбоа поѣхалъ въ Харьковъ; сначала жилъ у одного богатаго помѣщика и училъ фортепіанной игрѣ его жену, братьевъ; потомъ—у другаго помѣщика, и дирижировалъ, какъ любитель, его оркестромъ; въ помѣщ-ніи Харьковскаго университета онъ три года читалъ публичныя лекціи по исторіи и теоріи музыки; года два былъ директоромъ музыкальныхъ клас-совъ, дирижировалъ оркестромъ Ком-мерческаго клуба и, наконецъ, сдѣлал-ся театральнымъ капельмейстеромъ". Въ это то именно время онъ одинъ разъ исполнилъ роль Сусанина въ началѣ 1859 года въ четвертомъ ак-тѣ "Жизни за Царя", который веду-малъ поставить въ свой бенефисъ при помощи "мѣстныхъ силъ", т. е. членовъ драматической труппы (Ван-ю пѣла актриса А. Н. Федорова). У Вильбоа не было никакого голоса. Онъ кричалъ, хрюкалъ да въ добавокъ еще и вакхался, и публика ошикала его самымъ немилосерднымъ образомъ.

Въ началѣ 1870-хъ годовъ Вильбоа вернулся въ Петербургъ и, послѣ не-удачной попытки, пристроился въ клу-бъ художниковъ дирижеромъ концер-товъ, а около 1876 года перѣѣхалъ въ Варшаву и поступилъ на службу въ артиллериjsкое вѣдомство. Въ 1882 году онъ вышелъ въ отставку, и, нахо-дясь въ крайней бѣдности, послѣ дол-гой трудовой и скитальческой жизни, умеръ скоропостижно, отъ разрыва сердца. *